

ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТАЛЛА, СТЕКЛА И КАМНЯ

Ассортимент металлических изделий из раскопок храма на холме Тузлух не ограничивается вотивными крестами. Здесь также встречаются другие предметы из железа, бронзы и свинца.

Коллекция изделий из железа насчитывает еще семь единиц. В их числе один целый и два фрагментированных кованых гвоздя с четырехгранным стержнем и овальной шляпкой (рис. 6.1: 233, 240, 252). Гвозди обнаружены в юго-восточной части южного компартамента в слоях №№ 12 и 12а, связанных со вторым этапом функционирования храма в третьем строительном периоде. Скорее всего, они использовались для скрепления конструктивных элементов строения, вероятно, из дерева. Аналогичные гвозди широко употреблялись в хозяйстве местного населения Крыма в исследуемое время. Их многочисленные находки известны в материалах раскопок храмов и поселений в различных районах полуострова (см. напр.: Фронджуло 1968а: 129; Якобсон 1970: 81, 114, рис. 43, 56, 74, 75, 95; Новиченкова 2002: 7; Зинько, Пономарев 2009: 74). По мнению А.Л. Якобсона, они использовались главным образом для скрепления деревянных «стропил-брусьев», служивших основанием черепичной, глинобитной или соломенной кровли домов и других строений (Якобсон 1970: 118).

Кроме того, из раскопок семидворского храма происходят железные скоба (слой № 4) (рис. 6.1: 207), кольцо (слой № 11) (рис. 6.1: 232) и звено цепи (слой № 6-1) (рис. 6.1: 212). Все они изготовлены из кованного четырехгранного в сечении стержня, их функциональное назначение не ясно. Хронологическая позиция этих артефактов определяется по условиям находки.

Особый интерес вызывает железный черешковый наконечник стрелы, обнаруженный в слое 6 с юго-западной стороны храма (кв. 2Е). Наконечник с массивным гранёным пирамидальным острием прямоугольного сечения и округлым в сечении черешком, без выраженного упора (рис. 6.1: 227). Изделие сильно коррозировано, окончание черешка утрачено, что не позволяет проследить детали его формы. Сохранившаяся длина фрагмента – 2,6 см, длина боевой головки – 1,5 см, ширина граней – 0,7 и 0,5 см. Подобные наконечники относят к бронебойным. Их появление и распространение на территории Восточной Европы и в Древней Руси в конце I тыс. н.э. связывают, прежде всего, с распространением железной кольчуги. Особенно широко гранёные наконечники применялись начиная с X в. и до конца средневековья (Медведев 1966: 78-79). Приблизительная аналогия происходит из раскопок Булгарского городища (Руденко 2010: 49, 120, табл. XVIII: 300). Однако здесь такой наконечник датируется XI–XIII вв., что не согласуется с хронологическим контекстом семидворской находки.

Предметы из бронзы представлены конструктивными деталями лампад и элементами костюма.

К конструктивным деталям лампад принадлежат крюк из бронзовой проволоки (рис. 6.2: 208), найденный в слое № 4; стержень неизвестного назначения (рис. 6.2: 216) и двухчастная витая проволока (рис. 6.2: 223) из слоя № 5. Все они, скорее всего, использовались в системе крепления стеклянного светильника или фитиля. Крюк, безусловно, служил для подвешивания лампы. Аналогичные находки известны из раскопок средневековых храмов и городищ, как на территории Крыма, так и за его пределами (см. напр.: Аладжов 1996: 80-81, рис. 4-6; Голофаст, Рыжов 2003: 215, рис. 21: 2; Майко 2004: 246, рис. 139; Засецкая 2008: 32-34, рис. 11, табл. VII: 5; Antonaras 2010: fig. 6; см. также главу 4 «Стеклянные сосуды»). Узкая датировка изделий затруднительна.

К элементам костюма относятся одна фрагментированная полая пуговица-подвеска из могилы № 1, проволочная петелька от подобного изделия из слоя № 6; цельнолитой гладкий бубенчик с прорезью (слой № 2) (рис. 6.2: 254, 230, 204), а также, вероятно, фрагмент изделия из бронзового стержня в виде разомкнутого кольца с уплощённым, декорированным насечками окончанием (слой № 5) (рис. 6.2: 215).

Сферические пуговицы-подвески (как цельнолитые, так и полые из двух тесненных половинок со вставным проволочным ушком) хорошо известны среди крымских древностей, начиная примерно с конца VIII (?) – начала IX в. – вплоть до позднего средневековья (см. напр.: Якобсон 1970: 137, рис. 90, 95; Баранов 1990: 119-121, рис. 44: 21; Айбабин 1991: 47, рис. 6: 5-7, 7: 16; Айбабин 2003: рис. 39: 46, 47: 7, 48; Голофаст, Рыжов 2003: 216, рис. 20: 16-20; Тесленко, Лысенко 2004б: 266, рис. 12; Майко 2007: 125-127; Айбабин, Хайрединова 2008: 70, рис. 34: 17; Столяренко 2012: 293-294, 297-299). В этот же период они получают широкое распространение на территории Евразии и в зоне влияния византийской культуры как элемент кочевнического, так и городского костюма (см. напр.: Федоров-Давыдов 1966: 70, рис. 12; Равдина 1988: табл. 8: 15; Плетнева 1989: 107, рис. 56; Сазанов 2000: 283; Ельников 2001: 10-55; Столяренко 2012: 293-300). О производстве литых шаровидных пуговиц в раннесредневековой Таврике свидетельствует находка в Старом Крыму формы для их отливки и изготовления других изделий «салтовского» круга (Баранов 1990: 85-86, рис. 28: 6).

Гладкие «салтовские» бубенчики с одной прорезью появляются на просторах Таврики также не ранее конца VIII (?) – первой половины IX вв. (см. напр.: Баранов 1990: 119-121, рис. 44: 18, 27; Айбабин 1993: 124, рис. 2; Веймарн, Айбабин 1993: 188; Айбабин 2003: 60-61,

Рис. 6.1. Храм на холме Тузлук.

Изделия из железа: гвозди (233, 240, 252), наконечник стрелы (227), скоба (207), кольцо (232), звено цепи (212).
 207 – слой № 4; 212 – слой № 6-1; 227 – слой № 6; 232 – слой № 11; 233 – слой № 12; 235, 240, 252 – слой № 12а.

Fig 6.1. Church on the Tuzluk hill.

Small finds of iron: nails (233, 240, 252), arrow-head (227), keeper (207), ring (232), chain link (212).
 207 – layer no 4; 212 – layer no 6-1; 227 – layer no 6; 232 – layer no 11; 233 – layer no 12; 235, 240, 252 – layer no 12a.

Рис. 6.2. Храм на холме Тузлук. Изделия из бронзы (204 [пуговица], 208 [крюк для лампы], 215, 216, 223, 230, 254 [прорезной бубенчик]) и свинца (213, 217, 221, 222, 231, 251 [держатели фитиля ?]), зелёная стеклянная бисерина (250), артефакты фаунистического происхождения (224, 236).

204 – слой № 2; 208 – слой № 4; 213, 215- 217, 221-224 – слой № 5; 230 – слой № 6; 231 – слой № 11; 236 – слой № 12а; 250, 251 – слой № 13; 254 – могила № 1, погребение № 1.

Fig 6.2. Church on the Tuzluk hill. Small finds of bronze (204 [button], 208 [changing loop for lamps], 215, 216, 223, 230, 254 [jingl]), lead (213, 217, 221, 222, 231, 251 [wick holders ?]), glass green small bead (250), pendants of animal teeth and mollusk (224, 236). 204 – layer no 2; 208 – layer no 4; 213, 215- 217, 221-224 – layer no 5; 230 – layer no 6; 231 – layer no 11; 236 – layer no 12a; 250, 251 – layer no 13; 254 – grave no 1, burial no 1.

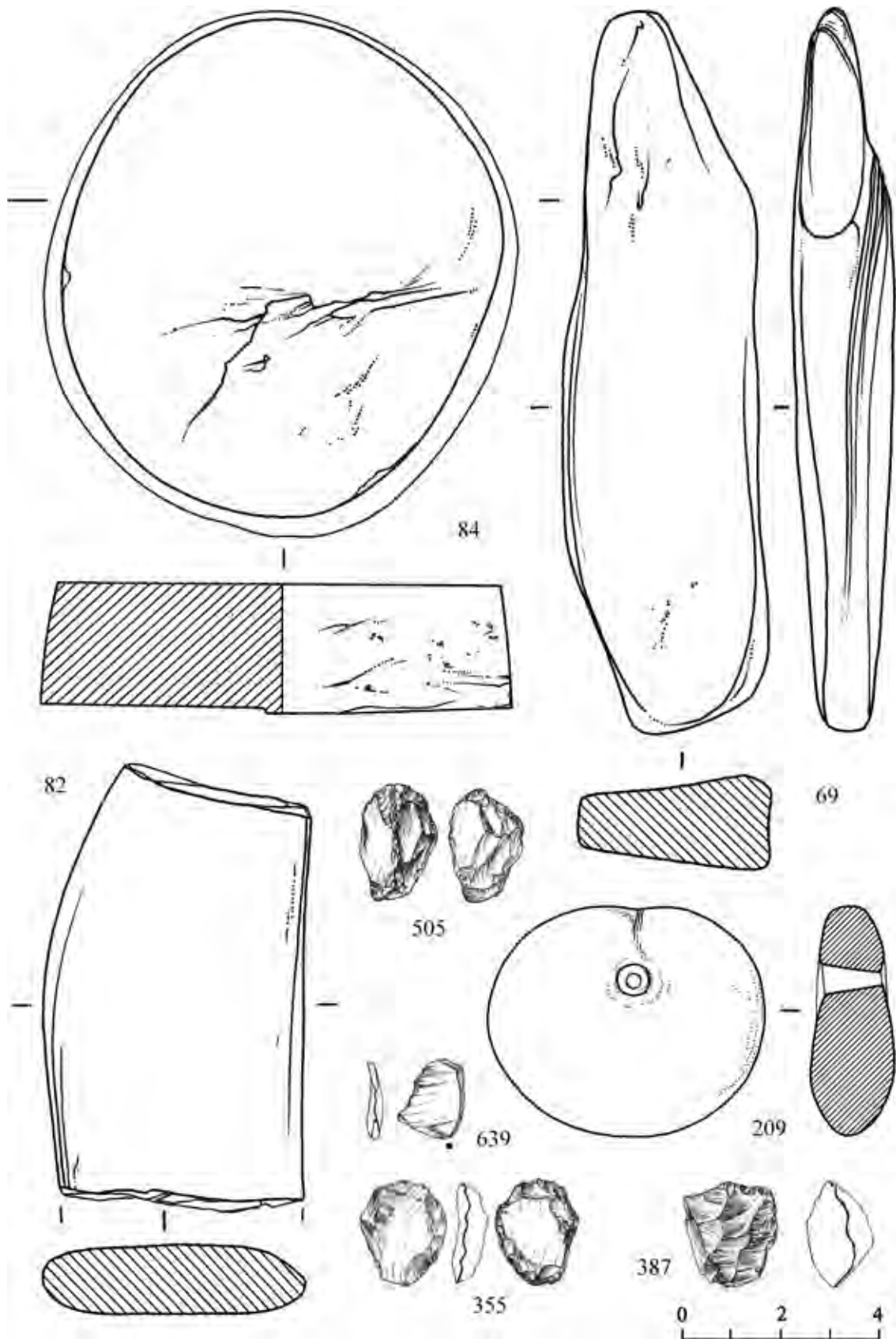

Рис. 6.3. Храм на холме Тузлук. Изделия из песчаника (69, 82 – оселки, 209 – грузило) и кремнёвые артефакты.

82, 84 – слои №№ 6-2, 6-3; 69, 209 – слой № 4; 355, 387, 505, 639 – слой № 5.

Fig 6.3. Church on the Tuzluk hill. Sandstone and flint finds (69, 82 – touchstones, 209 – sink stone)

82, 84 – layers nos 6-2, 6-3; 69, 209 – layer no 4; 355, 387, 505, 639 – layer no 5.

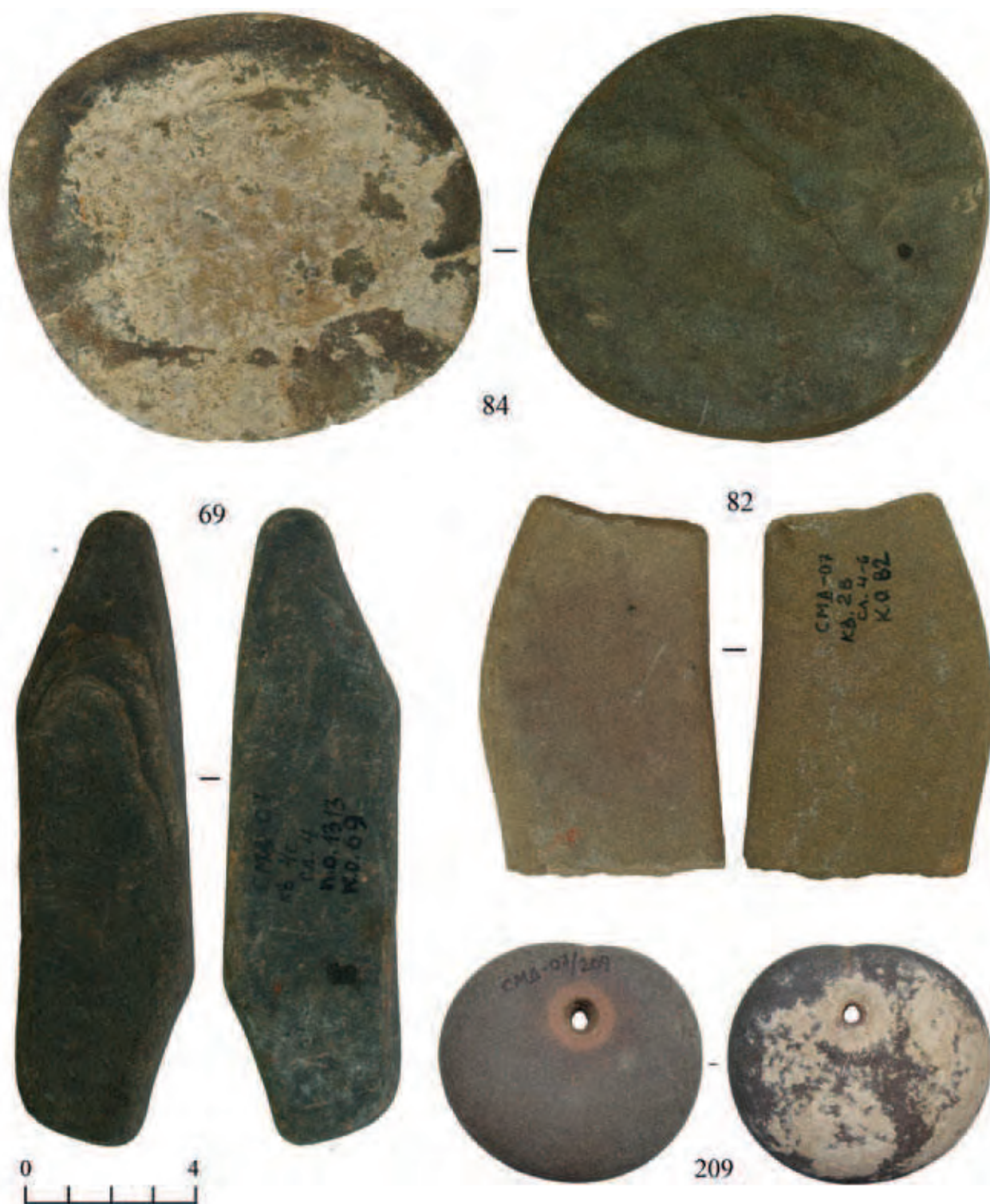

Рис. 6.4. Храм на холме Тузлук. Изделия из песчаника (69, 82 – оселки, 209 – грузило).

82, 84 – слой №№ 6-2, 6-3; 69, 209 – слой № 4.

Fig 6.4. Church on the Tuzluk hill. Sandstone finds (69, 82 – touchstones, 209 – sink stone).

82, 84 – layer nos 6-2, 6-3; 69, 209 – layer no 4.

табл. 36: 48). Они продолжают встречаться в погребальных комплексах, по крайней мере, до XI–XII вв. (Марковин 1996: 192, рис. 14; Айбабин, Хайрединова 2008: 70, рис. 34: 24). С учетом широких хронологических рамок бытования изделий их узкая датировка затруднительна.

С уверенностью можно судить только о нижней дате как пуговиц, так и бубенчиков.

К элементам костюма следует отнести находку в слое № 13 бисерины из зелёного *стекла* (рис. 6.2: 250), точная датировка которой не ясна.

Коллекция металлических изделий, кроме упомянутых выше, включает еще шесть деформированных полос из свинцовых пластин (рис. 6.2: 213, 217, 221, 222, 231, 251). Четыре из них обнаружены в слое № 5, связанном с функционированием храма в третьем строительном периоде перед юго-восточным входом в южный компартимент, одна – в слое № 13 второго строительного периода внутри южного компартимента и еще одна – в слое № 11, образовавшемся на руинах храма. Ширина полос – 0,25-0,6 см, толщина – не более 0,1-0,15 см. Полосы зачастую сложены вдвое. Создается впечатление, что они служили для зажима какого-то тонкого предмета или для крепления на стенке тонкостенного изделия. Наибольшая концентрация находок пластин в слое № 5 вместе с фрагментами лампад и сколами кресального кремня свидетельствует о том, что пластины были каким-то образом задействованы в освещении храма, возможно, являлись конструктивными элементами лампад, например – держателями фитиля. Конструкции из свинцовых пластин для фиксации фитиля лампад известны из раскопок монастырских комплексов в Малой Азии (Gough 1985: fig. 12: 10) (рис. 4.6: 3), на Ближнем Востоке (Hirschfeld 2000: 349, fig. 24; Saller 1941: 310, fig. 18:3, pl. 137, fig. 1:5) (рис. 4.6: 5, 7). Многочисленные находки подобных пластин происходят из раскопок храма в пещере Иограф над Ялтой¹. Здесь они также найдены в контексте с большим количеством фрагментов стеклянных лампад.

Предметы из *камня* представлены изделиями из песчаника и кремнёвыми находками. К числу каменных артефактов относятся два песчаниковых оселка из брусков различных конфигураций (рис. 6.3: 69, 82), изделие уплощённо-цилиндрической формы, представляющее собой поперечный скол округлой в сечении гальки

(рис. 6.3: 84) и грузило из дисковидной гальки с просверленным отверстием для подвешивания (рис. 6.3: 209). Один оселок и изделие из округлой гальки найдены в апсидной части северного компартимента в слоях №№ 6-2, 6-3. Второй оселок и грузило происходят из слоя № 4 (кв. 4С). Эти изделия не несут определённой хронологической нагрузки и могут быть датированы по контексту находки.

Кремнёвые находки гораздо более многочисленны. Они насчитывают 288 единиц и происходят из культурных слоев I–IV строительных периодов. Основная масса кремня (253 ед.) была сконцентрирована в слое № 5, образовавшемся перед юго-восточным входом в южный неф в третьем строительном периоде. Подавляющее большинство находок представлено небольшими кремнёвыми отщепами (рис. 6.3: 355, 387, 505, 639), предназначавшимися, вероятно, для высечения огня металлическим кресалом, и чешуйками, образовавшимися, скорее всего, вследствие этих действий (детальную характеристику кремнёвых артефактов см. в Приложении 7).

Следует отметить, что фрагменты кремня различной конфигурации довольно часто встречаются в материалах синхронных археологических памятников, в частности в могильниках, на поселениях и в святилищах Юго-Восточного, Юго-Западного и Южного Крыма (см. напр.: Айбабина 1993: 119, рис. III: 8, 9; Пономарев 2003а: 270; Кутайсов 2008: 463, рис. 1; Зинько, Пономарев 2009: 74; Айбабин, Хайрединова 2008: 101, 116, табл. 113, 163; Лысенко, Тесленко 2012: 110). Контекст находок свидетельствует о широком использовании этого камня в исследуемый период, как в быту, так и в обрядовой практике. Назначение его, вероятно, было связано, прежде всего, с добыванием огня.

¹ Благодарю Н.П. Турову, ст.н.с. Ялтинского историко-литературного музея, за информацию об этих находках, полученную по результатам её раскопок в пещере Иограф летом 2012 г.